

Глава 9

Смеркалось. Внутри и снаружи Зала Яньин зажглись дворцовые фонари, удерживая крохотные островки света в наступающей, всепоглощающей тьме.

Чжан Юань стремительно шел по галерее, мелькая в кругах света от ламп. Едва переступив порог, он заметил Юй Шуанси: тот стоял на его привычном месте и подобострастно обмахивал веером императора Цзяньхуна, склонившегося над ворохом донесений. Лицо евнуха на мгновение потемнело.

Подойдя к драконьему столу, он склонил голову и прошептал:

— Ваше Величество.

Кисть в руке государя на миг замерла. Он едва заметно повел левой рукой, и Юй Шуанси, почуяв перемену в ауре господина, понимающе отступил к дверям зала.

Только тогда Чжан Юаню стало чуть спокойнее.

— Ваше Величество, есть вести из Зала Шицуй, — вкрадчиво произнес он, подавшись вперед.

Цзяньхун отложил кисть. Между его бровей залегла тень сомнения:

— «Картину Ста Долголетий» отправили в Зал Шицуй?

— Раб ваш тоже находит это странным, — кивнул старый слуга. — Приказ отдавала Вдовствующая наложница Чэнь, так почему в дело вмешалась Госпожа Жун? Увы, Зал Шицуй всегда охраняли как железную крепость. Прислуга там — сплошь преступники из Дворца Етин, искупающие вину тяжким трудом. Без вашего милостивого дозволения, Ваше Величество, я не осмелился подослать туда своих людей.

Император полуприкрыл глаза, его голос звучал ровно:

— И как же ты планировал действовать, если бы я позволил?

— У меня на примете есть пара смысленных ребят, — вполголоса ответил Чжан Юань. — Стоит им совершить пустяковую оплошность, и их тут же сошлют в Зал Шицуй.

Цзяньхун задумчиво смотрел на пламя светильника. Мягкий свет падал на его лицо, разделяя его надвое: одна сторона была ярко освещена, другая — погружена в глубокую тень, придавая облику государя пугающую холодность.

— Я помню, изначально тебя звали Чжан Даохуан? — после долгого молчания спросил он.

Евнух вздрогнул от неожиданности, но тут же расплылся в подобострастной улыбке:

— У Вашего Величества поразительная память. В день моего рождения рис на полях стоял золотой-презолотой, вот в семье и решили, что это добрый знак. Так и назвали.

— Это я сменил тебе имя на «Юань».

— Покойные предки этого раба сияют в могилах от счастья, обласканные вашей милостью.

— Но ты не оправдал моих надежд.

Эти слова, произнесенные обыденным тоном, подействовали на слугу как удар хлыста. Его затрясло, он рухнул на колени, едва не коснувшись лбом пола:

— Раб ваш в неопишемом ужасе! Я не смел... Не смел!

Цзяньхун швырнул ему под ноги пачку донесений:

— Подглядываешь за личной жизнью моих жен, заводишь дружбу с внешними чиновниками, смеешь без спроса брать вещь принца, а теперь еще и заглядываешься на покои моих наложниц... Скажи, Чжан Юань, осталось ли хоть что-то, на что ты не осмелишься? Я сам возрастил в твоём сердце это непомерное тщеславие.

Опальный фаворит готов был закричать от несправедливости.

Когда Цзяньхун взошел на престол, он начал с казней, чтобы утвердить свою власть. Тогда весь двор замер от ужаса, а в покоях воцарился страх. Именно тогда Чжан Юань начал «подглядывать» и «заводить связи» — когда у сановников во дворце были свои «уши», они переставали считать императора непредсказуемым тираном. А сам император через него мог незаметно направлять действия чиновников.

А уж обвинение в «краже вещи принца» и вовсе было смехотворным.

Дружба с графом Юнфэном была лишь следованием намекам государя. Если бы евнух не проявлял ответной вежливости, разве согласился бы граф якшаться с кастратом? Сколько важных сведений было передано таким путем, и император всегда закрывал на это глаза. А теперь какая-то рогатка, которую Десятый принц давно забросил, стала признаком государственной измены?

Чжан Юань взглянул на разбросанные бумаги. Все жалобы были поданы за последние два дня. Очевидно, кто-то тщательно спланировал этот удар, организовав коллективное выступление против него. То, что он, глава тайного надзора, ничего об этом не знал, означало лишь одно — его власть над дворцом и городом испарилась.

От этой мысли по спине пополз ледяной холод.

— Это я виноват, — пролепетал он, — не уследил за подчиненными...

— Это я не уследил за подчиненными, — оборвал его Цзяньхун, — раз позволил вырасти рядом с собой такому закоренелому негодяю и лицемеру!

Евнух, ошеломленный грубостью слов, невольно поднял голову.

Император сидел за столом, и выражение его лица было пугающе спокойным, что никак не вязалось с его яростной речью.

Цзяньхун смотрел на него в упор. Яркий свет ламп отражался в его глазах, но не проникал в их глубину — там застыла непроглядная, мрачная пустота. Кто бы мог подумать, что этот государь, прославившийся своими казнями, до восшествия на престол был лишь праздным принцем, известным своим пристрастием к поэзии и живописи?

Как старый слуга, Чжан Юань слишком хорошо знал истинные амбиции и методы своего господина. Гнев императора не был вызван его ошибками. Просто сейчас он был куда полезнее мертвым, чем живым. За этим решением явно крылось нечто такое, о чем евнух даже не догадывался.

Под жалобами стояли имена чиновников, известных своей неподкупностью. Кто мог заставить их действовать сообща?

Знать? Невозможно. Многие из них были с ним в ладу, и даже ту злосчастную рогатку он добыл для графа Юнфэна — они бы никогда не ударили в спину.

Ученые мужи из министерств? Они сейчас заняты дележкой мест в Лояне, им не до интриг.

Кто же тогда? У кого хватит сил повернуть такое, оставаясь в тени?

Смертельный холод разлился по телу Чжан Юаня. В этот роковой миг перед его мысленным взором начали проноситься картины прошлого: лица министров, молящих о пощаде на этом самом месте; плач знатных семей; лужи крови на восточном рынке...

— Взять его! — негромко приказал Цзяньхун.

Юй Шуанси немедленно ввел стражников, которые подхватили опального евнуха под руки.

Чжан Юань дернулся, высвобождаясь из хватки охранников. Он медленно опустился на колени и припал лбом к полу. На его лице застыла гримаса — не то плач, не то безумная усмешка.

— Раб ваш не оправдал священной милости. Умоляю Ваше Величество смирить гнев, дабы не вредить своему здоровью. Я... бью челом перед государем, прощаясь навсегда!

В зале воцарилась гробовая тишина, прерываемая лишь глухими ударами лба о каменные плиты.

Стоило евнуху подняться, как гвардейцы Юйлиньвэй, не дожидаясь повторного приказа, выволокли его вон.

Чжан Юань видел, как свет ламп на драконьему столе становится всё дальше. Ужас перед неминуемой смертью наконец захлестнул его, и он отчаянно закричал:

— Ваше Величество! Теперь, когда меня не будет рядом, берегите себя! Ночами холодно — одевайтесь теплее, в жару — не пейте слишком много студеной воды...

Голос его, полный искреннего отчаяния, затихал в коридорах.

Император Цзяньхун сидел всё с тем же бесстрастным лицом. Лишь когда крики окончательно смолкли, он с горькой усмешкой бросил:

— Даже на пороге смерти не удержался от спектакля!

Юй Шуанси стоял рядом молчаливой тенью.

Император открыл было рот, словно по привычке ожидая ответа от своего старого слуги, но, помедлив, произнес:

— Не отдавай дело в Управление Церемоний. Передай в Судебную палату Дали. Пусть решают быстро.

— Раб ваш повинуется, — отозвался Юй Шуанси.

***

Весть о падении Чжан Юаня и его приспешников разнеслась из дворца со скоростью лесного пожара.

Он служил императору еще в те времена, когда тот был принцем. Евнух мастерски умел угадывать малейшее движение души государя и безупречно соблюдал дистанцию. Несмотря на многочисленные жалобы на его жадность и беззаконие, он долгие годы оставался непотопляемым благодаря личному доверию монарха.

И то, что этот «всесильный временщик», чей статус казался незыблемым, внезапно рухнул, заставило многих содрогнуться от страха, гадая о скрытых причинах.

***

Хаоцзин

Столица погрузилась в тревожное безмолвие.

Тише всех вели себя в поместье графа Юнфэна. Впрочем, за закрытыми дверями жизнь была ключом. Фу Сиянь, как главный объект воспитания, каждое утро выслушивал от батюшки порцию «родительских наставлений», которая неизменно заканчивалась громовым рыком Фу Фу:

— ...Словом, сиди тише воды ниже травы и не смей носа на улицу показывать!

Сиянь хоть и ворчал, но перечить не думал.

В конце концов, служба в Цзиньвэй оказалась настолько насыщенной, что в вечерних развлечениях он больше не нуждался.

Поначалу гвардейцы Юйлиньвэй, включая сторонников фракции Чу, чувствовали себя неуютно из-за перевода в новое ведомство. Но Чу Гуану было не до них — он был по уши в делах, готовясь к отъезду, а потому, следуя принципу «кто ближе», просто спихнул их на попечение гвардии Цзиньвэй.

С этого момента у Цзиньвэй началась вольная жизнь в одной упряжке с городскими стражниками.

Один круг на тренировке, три круга отдыха, а потом — патрулирование.

Туда-сюда побродить, в кабаки заглянуть, пока солнце печет, проголодаться — так каши мясной отведать, а как светило к закату склонится — сразу домой, и никаких переработок. О такой ли жизни не мечтать?

Увы, счастье было недолгим.

Как только Императорское Астрономическое Бюро выбрало благоприятный день, подготовка к отъезду Третьего принца вошла в завершающую стадию. Вместе с ним в путь отправлялась свита принца и чиновники Министерства работ, ответственные за строительство дворца в Лояне.

Перед отъездом женщины из семьи Фу приготовили Сияню несколько смен новой одежды. Братья же проявили больше практичности: Фу Лиань и Фу Сюань снабдили его увесистыми мешочками с медными монетами и мелким серебром. Деньги, бережно уложенные в расшитый Фу Сяцин кошелек, приятно тянули пояс.

— Братья, — растроганно произнес Сиянь, — подарок ваш дорог моему сердцу, но банковские билеты были бы куда легче.

Фу Лиань мягко улыбнулся:

— Путь до Лояна неблизкий, не каждый день ты будешь заезжать в города. Мелкие деньги в дороге куда сподручнее.

Юноша признал его правоту, хотя в глубине души тосковал по мобильным платежам из своей прошлой жизни. Впрочем, с его-то темпами освоения «древа технологий», потребуется как минимум еще пара-тройка жизней, прежде чем он додумается хотя бы до изоляции для кабеля.

От этой мысли стало совсем тошно.

Вид у него был настолько несчастный, что Фу Фу, собиравшийся выдать очередную нравоучительную тираду, над которой размышлял всю ночь, просто проглотил слова. Даже Госпожа Фу, которая обычно не жаловала детей от наложниц, снизошла до пары ласковых слов утешения.

Фу Сюань был еще прямолинейнее — он просто сунул ему пачку банковских билетов, отчего Сиянь мгновенно расцвел.

Граф Юнфэн лишь вздохнул:

— Настоящий долговой нахлебник!

***

** _В день отъезда_ **

Город был окутан густым туманом.

Император Цзяньхун в окружении высших сановников провожал процессию у улицы Ворот Дяньфэн. Огромный кортеж тонул в серой дымке, и дорога впереди казалась призрачной.

Фу Сияня из-за его габаритов, которые невозможно было скрыть, поставили в самый конец колонны. Пользуясь погодой, он преспокойно дремал в седле.

Стоит признать, встречи с начальством — сплошное мучение. В час ночи подъем, в три — сбор, в пять — начало церемонии... Пока ждешь императора, можно успеть в царстве снов сыграть несколько партий в маджонг с предками!

Наконец, когда государь закончил свою речь, колонна пришла в движение.

Туман постепенно рассеивался, и Сиянь смог наконец разглядеть строй. Цзиньивэй разделили на пять групп: авангард, переднее прикрытие, центр, тыловое прикрытие и арьергард. Он оказался в самом конце, охранять обоз. Члены семей ехали в середине, а Третий принц со своими людьми возглавлял шествие.

К часу Чэнь, то есть к семи утра, они наконец миновали Ворота Чанлэ.

В это время полагалось завтракать. И хотя Сиянь съел немного пшенной каши перед выходом, для него это было лишь разминкой для желудка. Пришло время — и нутро настойчиво потребовало еды.

Он только собрался достать припасенную матушкой лепешку, как спереди пришел приказ: «Ускорить шаг!».

Сиянь помрачнел.

«Злыдень Чу Гуан, совести у него ни на грош... — он мысленно сочинял издевательские стишки, подстраиваясь под стук копыт. — Едем в Лоян, а кормить не велят. У людей — дым над трубой да ужин горой, а у меня — в животе урчит, да эхо гуляет».

Говорят, страдания пробуждают талант. Глядишь, скоро он сможет вслед за Мэн Цзяо написать продолжение «Оды о горьком холоде».

Впрочем, воинский устав суров. Несмотря на поток ругательств в голове, юноша прищпорил коня, следуя за основным отрядом.

К счастью, Чу Гуан, при всей его холодности, оставался человеком из плоти и крови. Около девяти утра он всё же приказал сделать короткий привал.

Сиянь одновременно растирал затекшие ноги, жевал лепешку и присматривал укромное место,

чтобы облегчиться — словом, крутился как белка в колесе.

И тут, как на грех, один из приближенных Чу Гуана решил подлить масла в огонь и велел ему идти греть воду.

В душе Сияня бушевала ярость, сравнимая с разливом Хуанхэ, но внешне он остался сама покорность. Он торопливо запихнул остаток лепешки в рот, но от спешки кусок встал колом в горле. Он выпучил глаза, схватился за горло обеими руками и начал медленно заваливаться назад.

Ехавшие с ним товарищи в ужасе подхватили его под руки, осторожно опустили на землю и принялись неистово колотить по спине. Поднялся невообразимый шум.

Посланец Чу Гуана, глядя на полуживого Сияня, совсем растерялся. Не понимая, как обычная просьба привела к такой катастрофе, он поспешил ретироваться, ведь привал уже подходил к концу.

Сиянь смотрел ему вслед без малейшей радости. Он понимал: это лишь первый шаг долгого пути, и впереди его ждет еще немало «забот».

И действительно, вечером к нему заявился уже сам Чу Шаоян во главе группы воинов.

Юноша, ожидавший чего-то подобного, уже успел сходить в туалет и теперь спокойно дожевывал ужин. Увидев незваных гостей, он, не говоря ни слова, поднялся и последовал за ними.

Такая покладистость озадачила Чу Шаояна. Он шел следом до самого костра, а затем уселся рядом, приняв вид сурового тюремного надзирателя.

Но Сиянь на этот раз и не думал отлынивать. Он прилежно развел огонь и принялся кипятить воду.

Один из людей генерала съязвил:

— Что, господин Фу, на этот раз еда в горле не застряла?

— Так я еще не ел, — лучезарно улыбнулся Сиянь, глядя на Сотника Чу. — Сказать по правде, проголодался я зверски. Брат Шаоян, когда пойдешь за едой, не забудь и про меня.

Чу Шаоян, внезапно превратившийся в «подавальщика еды», процедил сквозь зубы:

— Боюсь, моего пайка не хватит, чтобы заполнить твою бездонную утробу.

Сиянь невозмутимо кивнул:

— Ну, тогда неси два.

Чу Шаоян и его спутник лишились дара речи. На свете не было стен крепче, чем кожа на лице этого человека. Поистине, такая неприступная оборона могла вызвать лишь глубокое восхищение и полное бессилие врага.

Для Чу Шаояна это был первый опыт в издевательствах над подчиненными, и действовал он еще неумело. Дождавшись, пока вода закипит, он просто отпустил Сияня отдыхать. Впрочем, это было только начало.

<http://bllate.org/book/15317/1354473>